

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2201](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2201)

К. А. Мошкова, Т. Ю. Черкашина

«МОИ, ТВОИ, НАШИ ДОМА»: ЖИЛИЩНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ИЗ СЕМЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ

Правильная ссылка на статью:

Мошкова К. А., Черкашина Т. Ю. «Мои, твои, наши дома»: жилищная собственность супругов из семей региональных политиков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 84—109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2201>.

For citation:

Moshkova K. A., Cherkashina T. Yu. (2022) «My, Your, Our Houses»: The Housing Property of the Spouses from the Families of the Regional Political Elite. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 84–109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2201>. (In Russ.)

«МОИ, ТВОИ, НАШИ ДОМА»: ЖИЛИЩНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ИЗ СЕМЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ

МОШКОВА Кристина Андреевна — студентка магистратуры, Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: k.moshkova@gsu.nsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0994-4388>

ЧЕРКАШИНА Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, зав. кафедрой общей социологии, Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, Новосибирск, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

E-MAIL: touch@nsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0994-4388>

Аннотация. Цель исследования — выявить дифференциацию жилищной собственности в зависимости от социально-демографических факторов (пола, брачного статуса), а также внутрисемейные различия жилищной собственности супругов. Исследование выполнено на административных данных — сведениях о доходах и имуществе депутатов законодательных органов власти субъектов РФ за 2019 г., собираемых в рамках антикоррупционной деятельности. В отличие от имеющихся обследований домохозяйств, эти данные позволяют зафиксировать собственность (недвижимость, земельные участки, транспортные средства) каждого из супругов. Недвижимость (квартиры и жилые дома) выбрана для анализа как самый распространенный

«MY, YOUR, OUR HOUSES»: THE HOUSING PROPERTY OF THE SPOUSES FROM THE FAMILIES OF THE REGIONAL POLITICAL ELITE

*Kristina A. MOSHKOVA*¹ — Master student
E-MAIL: k.moshkova@gsu.nsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0994-4388>

Tatyana Yu. CHERKASHINA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Department of General Sociology; Leading Researcher
E-MAIL: touch@nsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0994-4388>

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

² Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The purpose of the study is to identify the differentiation of housing property depending on socio-demographic factors (gender, marital status), as well as intra-family differences in the housing property of spouses. The study uses administrative data — information on the income and property of deputies of the legislative authorities of the constituent entities of the Russian Federation for 2019, collected as part of anti-corruption activities. In contrast to the available household surveys, these data capture the property (real estate, land, vehicles) of each spouse. Housing (apartments and residential buildings) was selected for analysis as the most common property. Compared to the samples of mass household surveys, the empirical base of the study represents predominantly

тип собственности. Эмпирический объект представляет более высокие слои экономической стратификации по сравнению с выборками массовых обследований домохозяйств, что выступает ограничением для распространения полученных результатов на все российские домохозяйства.

Исследование позволяет сместить фокус с домохозяйства как единицы анализа к внутрисемейным экономическим отношениям. В рассматриваемом эмпирическом объекте 92% пар проживают в жилье, принадлежащем кому-либо из супругов, но лишь в 63% случаев собственниками жилья выступают оба супруга. В распределении жилищного богатства наблюдается тенденция к индивидуализации: 70% квартир и жилых домов, принадлежащих мужчинам, и 64% из принадлежащих женщинам находятся в индивидуальной собственности. По усредненным данным о жилье среди разных социально-демографических групп сложно говорить о разрыве по жилищному богатству в пользу мужчин или женщин, но в 37% пар мужчины имеют в собственности больше квартир или жилых домов, чем их супруги, в 30% обратное соотношение. Независимо от пола супруг, обладающий статусом депутата регионального парламента, с большей вероятностью будет более «богат» в жилищном плане, чем партнер, однако за этой закономерностью стоят более высокие личные доходы депутатов. Результаты исследования акцентируют внимание на семье как пространстве воспроизводства статусных различий.

Ключевые слова: нефинансовое богатство, богатство домохозяйств,

higher groups of economic stratification, which is the limitation for extending the results to a broader population.

The study allows to shift the focus from the household as a unit of analysis to intra-family economic relations. According to available data, 92% of couples live in housing owned by one of the spouses, but only in 63% of cases both spouses are homeowners. There is a trend towards individualization in the distribution of housing wealth: 70% of apartments and houses owned by men and two thirds of those owned by women are in individual ownership. Based on average data on housing for different socio-demographic groups, it is difficult to capture a gap in housing wealth in favor of men or women. However, in 37% of the couples, men own more apartments or houses than their spouses, and in 30% of the couples the ratio is opposite. Regardless of gender, a spouse who has the status of a member of a regional parliament is more likely to be richer in terms of housing than his/her partner. This pattern is explained by higher personal incomes of deputies. The study highlights the problem of the reproduction of status differences within the family.

Keywords: non-financial wealth, household wealth, home ownership, gender

собственность на жилье, гендерный разрыв, индивидуализация, индивидуализация собственности, административные данные

gap, individualization, individualization of property, administrative data

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания ИЭОПП СО РАН, № НИОКТР 121040100280-1. Статья включает материалы дипломного исследования К. Мошковой — призера IX Всероссийского конкурса дипломных работ в области социологии на премию ВЦИОМ (номинация «Лучшая дипломная работа бакалавра»), 2021.

Acknowledgments. The article was written based on the IEIE SB RAS state assignment research program, Project № 121040100280-1. The article includes the materials of bachelor thesis by Kristina Moshkova, one of the winners of the IX Russian Sociology Graduation Work competition organized by VCIOM (in the category «Best Bachelor's degree graduation work»), 2021.

Исследования экономического благосостояния населения балансируют между рядом методических дилемм и допущений. Одна из дилемм — выбор индивидов или семей (домохозяйств) в качестве единиц анализа [Bennett, 2013; Deaton, 2019], и для разных составляющих экономического благосостояния решение может быть разным. Собственность, накопленное имущество рассматриваются преимущественно как принадлежащие всему домохозяйству. И даже если в анкетах обследований домохозяйств в формулировках вопросов об объектах собственности звучит «принадлежащие кому-либо из членов семьи», далее практически никогда не следует уточнение, кто именно юридически владеет ими¹. Как и в случае доходов, в исследованиях собственности семья оказывается «черным ящиком», в котором скрыто внутрисемейное распределение имущества. И не каждый исследователь рискнет его приоткрыть, полагая, что эта тема сенситивна для респондентов [Андреенкова, 2017]. Но экономические ресурсы в виде доходов или собственности придают «переговорную силу» каждому из супругов в решении семейных вопросов [Lee, Росоок, 2007; Donni, Chiappori, 2011; Himmelweit et al., 2013], и уже в силу этого достойны исследовательского интереса.

Возможная недооценка экономического неравенства из-за исключения из анализа этапа внутрисемейного распределения благ усугубляется другой проблемой — непредставленностью в выборках массовых социально-экономических обследований семей из высших слоев в системе экономической стратификации. Современные решения этой проблемы предполагают комбинирование опросных данных с данными из других источников — списков самых богатых граждан стран (например, по версии журнала Forbes или других изданий) [Novokmet et al., 2018;

¹ Можно привести в качестве примера анкеты наиболее известных всероссийских обследований домохозяйств, в которых фиксируются сведения о собственности на жилую и нежилую недвижимость, земельные участки, транспортные средства: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (<https://www.hse.ru/rims>), Комплексное наблюдение условий жизни населения (https://rosstat.gov.ru/itog_inspect) и Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств (<https://obdx.gks.ru>), проводимые Росстатом.

Bach et al., 2019] или административными данными, как правило, налоговыми. Именно с помощью налоговых данных достраивают «верхний хвост» распределения в оценках неравенства по богатству [Bricker et al., 2016; Chakraborty et al., 2019]. В целом с появлением административных данных стал возможен новый уровень исследований элит, прежде всего экономических [Cousin et al., 2018].

В своей работе мы также обращаемся к административным данным — сведениям о доходах и имуществе депутатов законодательных органов власти субъектов Российской Федерации за 2019 г., собираемым в рамках антикоррупционной деятельности. Сведения за отчетный год предоставляются в начале каждого следующего года и размещаются в открытом доступе на сайтах региональных парламентов. Административные сведения включают информацию о годовом доходе и имуществе декларантов, а также членов их нуклеарных семей (супругов, с которыми они состоят в зарегистрированном браке, и несовершеннолетних детей). О каждом имущественном объекте сообщают, находится ли он в собственности или в пользовании, а если в собственности, то в какой — индивидуальной, совместной или долевой. Для недвижимости также указывают площадь или протяженность объектов, а для транспортных средств — вид, марку и модель. В открытом доступе размещаются сведения об объектах, которые принято относить к нефинансовому богатству: жилая и нежилая недвижимость, земельные участки, транспортные средства; тогда как сведения о финансовом богатстве (ценных бумагах, банковских счетах и т. п.) остаются публично закрытыми. Содержательное ограничение данного источника — отсутствие в сведениях стоимостных оценок объектов собственности, но плюс и уникальность в том, что, во-первых, он содержит информацию о видах собственности на недвижимость и транспортные средства, давая возможность оценить, индивидуальная она или находится в совместном владении супругов. Во-вторых, как показало сравнение доходов супружеских пар, в которых один из партнеров — депутат региональных законодательных органов власти, и доходов супружеских домохозяйств из «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» Росстата, эти административные данные частично репрезентируют верхние экономические слои, недоступные в массовых обследованиях [Черкашина, 2021].

Из объектов собственности в имущественных портфелях российских домохозяйств самый распространенный — жилая недвижимость [Богомолова, Черкашина, 2021], при этом жилье и субъективно первый из объектов, которые ассоциируются у россиян с частной собственностью [Волков, Колесников, 2018]. По этой причине мы сосредоточимся в исследовании на недвижимости в виде квартир и жилых домов. Данные позволяют осуществить две линии сравнений характеристик жилой собственности: а) одиночек и супружеских пар и б) между супругами. Таким образом, цель исследования — выявить влияние социально-демографических факторов (пола, брачного статуса) на дифференциацию жилищной собственности мужчин и женщин на примере семей региональных политиков, представляющих верхний сегмент экономической стратификации.

В первой части статьи мы представим результаты исследований гендерного разрыва по богатству в целом, в отношении жилой собственности и тенденций единоличного или совместного владения жильем. Во втором, методическом, раз-

деле подробнее опишем данные, обнаруженные в них ошибки и возможные смещения, вызванные вменением пропущенных значений переменных. Третья часть посвящена эмпирическим результатам исследования.

Эмпирические исследования собственности мужчин и женщин: методология и результаты

Исследования богатства домохозяйств и его распределение между супругами, пожалуй, даже более явно, чем исследования семейных бюджетов и денежных доходов, проявляют значение семьи как экономической единицы.

В структуре богатства домохозяйств (wealth) выделяют финансовые активы (ценные бумаги, банковские вклады, капитал, вложенный в предприятия, пенсионные накопления и др.), нефинансовые активы (жилая и нежилая недвижимость, земельные участки, транспортные средства, предметы искусства, драгоценности и др.) и долговые обязательства [OECD, 2013]. Поэтому возможна отрицательная величина чистого богатства, определяемая как разница стоимостных оценок финансовых и нефинансовых активов и долгов. В исследованиях внутрисемейного гендерного разрыва по богатству (gender wealth gap) в зависимости от данных можно рассматривать как все эти элементы, так и часть из них, но измерение неравенства возможно лишь при наличии денежной оценки стоимости активов. Однако не столько «дефицит» отдельных измерений богатства, сколько в целом малочисленность обследований домохозяйств, в которых собственность фиксируется на индивидуальном уровне [Deere, Doss, 2006], определяет дизайн исследований. Оценка различий в богатстве мужчин и женщин может осуществляться на подвыборках домохозяйств только с одним взрослым [Ravazzini, Chesters, 2018; Schneebaum et al., 2018] либо через сравнение домохозяйств разного состава, в том числе одиночек и с супружеской парой [Sierminska et al., 2010; Meriküll et al., 2021]. Международные сравнения показывают, что в среднем размер чистого богатства домохозяйств женщин-одиночек ниже, чем одиноких мужчин, но разрыв существенно варьируется по странам [Schneebaum et al., 2018].

На данных Немецкой социально-экономической панели (SOEP) начала 2000-х годов определили, что средний размер чистого богатства выше у мужчин из всех групп по семейному положению, и максимальный для состоящих в браке и вдовцов, тогда как среди женщин в среднем вдовы обладают наибольшим богатством. Дифференциация средних показателей богатства мужчин и женщин наблюдаются еще до вступления в брак, а затем только усиливается [Sierminska et al., 2010]. В отношении пар выяснили, что в 19% из них богатство каждого из партнеров примерно равное, в 29% пар стоимостная оценка богатства женщины выше, чем богатство мужчины, остальные 52% — пары, в которых более богат мужчина. При этом средний размер общего чистого богатства минимальный в парах партнеров, равных по богатству, прежде всего из-за того, что это равенство «нулевого» богатства (его нет у 9% пар). В целом наименьший разрыв в уровне богатства в малообеспеченных семьях [Grabka et al., 2015].

Продолжение исследования на лонгитюдной составляющей SOEP с включением в аналитическую выборку тех, кто впервые вступил в брак в 2002—2017 гг., показало, что до брака и в течение его первых лет богатство как мужчин, так

и женщин растет небольшими темпами, но уровень личного богатства женщин неизменно ниже, чем мужчин. Примерно после пяти лет брака рост богатства мужчин заметно ускоряется; богатство женщин продолжает расти, но гораздо более низкими темпами, то есть за время брака гендерный разрыв по богатству партнеров увеличивается [Kapelle, Lersch, 2020].

Вывод, что в среднем менее обеспечены домохозяйства одиночек, а наиболее обеспечены домохозяйства состоящих в официальном браке, подтверждается в других исследованиях богатства домохозяйств [Ruel, Hauser, 2013; Frémeaux, Leturcq, 2020], в том числе выполненных на административных данных (сведениях из различных регистров) [Meriküll et al., 2021]. То, что высокий уровень нефинансового богатства во многом определяется наличием и устойчивостью брака, показано и на данных о российских домохозяйствах [Богомолова, Черкашина, 2020]. То есть можно говорить о брачной премии на богатство [Lersch, 2017] и, по-видимому, разных механизмах, способствующих накоплению богатства и гендерному разрыву в парах и среди одиночек [Ravazzini, Chesters, 2018].

Другие важные для нас результаты этих исследований заключаются еще в двух аспектах. Во-первых, гендерный разрыв по богатству в пользу мужчин наиболее выражен в верхней части распределения [Schneebaum et al., 2018; Meriküll et al., 2021]. Во-вторых, в супружеских парах различия в стоимости чистого богатства отчасти определяются структурой «мужских» и «женских» активов, при этом мужчины чаще обладают бизнес-активами с более высокой стоимостью. Наименьший гендерный разрыв наблюдается при сравнении стоимости жилой недвижимости [Sierminska et al., 2010; Joseph, Rowlingson, 2012; Grabka et al., 2015; Meriküll et al., 2021].

Владение активами становится более индивидуализированным [Joseph, Rowlingson, 2012; Kan, Laurie, 2014; Frémeaux, Leturcq, 2020]. Так, во Франции с 1998 по 2015 г. доля богатства, принадлежащего одиноким, увеличилась с 21 % до 27,2%; у супружеских пар доля богатства, существующего в виде индивидуальных активов, выросла с 18 % до 27 %. Основной вклад в индивидуализацию богатства вносят решения пар о разделении активов. Доминирующие причины таких изменений исследователи видят в росте доходов. Особенно это заметно в том, что более высокие доходы в паре имеют мужчины, а также в трансформации брачных отношений: повышение возраста вступления в брак приводит к тому, что к моменту создания семьи будущие партнеры уже имеют активы в индивидуальной собственности. Распространенность незарегистрированных браков также может сдерживать совместное накопление собственности [Frémeaux, Leturcq, 2020].

Как отмечено выше, жилье — особый актив в структуре богатства домохозяйств. Из элементов нефинансового богатства оно самое распространенное, а межстрановые сравнения на макроуровне показывают, что жилье — тот актив, который сглаживает общее неравенство по богатству, так как распределяется более равномерно, чем другие активы. Страны с низким уровнем распространения собственности на жилье демонстрируют высокое неравенство по богатству даже при низком неравенстве доходов [OECD, 2021: 97—98]. Также «единоличное владение домом и единоличное владение другими активами в супружеских парах может быть не только результатом демографического поведения, но и может вли-

ять на это поведение» [Lersch, Vidal, 2016: 142]: риск расторжения брака выше для тех семей, которые арендуют жилье, а не владеют им [Krapf, Wagner, 2020], и когда единоличным собственником жилья является женщина [Coulter, Thomas, 2019]. Совместное владение жильем можно рассматривать как специфический для данного партнерства капитал.

На данных Британского панельного обследования домашних хозяйств за 1992—2011 гг. показано, что 85 % из тех, кто жил в домах, принадлежащих хотя бы одному из партнеров, владели своими домами совместно с супругами, только 8 % в 2011 г. имели занимаемое жилье в индивидуальной собственности. В 1992—2011 гг. доля партнеров, которые были единственными домовладельцами, варьировалась незначительно без четкой тенденции, но Ф. Лерш и С. Видаль предостерегают распространять эти выводы на всю совокупность, так как использовали данные панельной выборки без ротации. Индивидуальную собственность на жилье детерминируют такие факторы, как наличие бывших союзов, длительность партнерства и экономическое «превосходство»: супруги, имеющие более высокий доход и вкладывающие свои деньги в приобретение имущества, склонны выбирать индивидуальный вид собственности для снижения рисков и сохранения в своем «портфеле» активов, которые не зависят от других лиц [Lersch, Vidal, 2016].

Административные данные в сравнении с опросными способны преподнести сюрпризы. Д. Шиффер-Себба и Д. Берман выстроили логику анализа не «от индивидов», а «от объектов собственности», обратившись к налоговым данным со сведениями о жилье в Филадельфии и Детройте [Shiffer-Sebba, Behrman, 2021]. Оказалось, что в обоих городах наиболее распространенный тип владения — единоличная собственность женщины: 49 % жилой собственности в Детройте и 36 % собственности в Филадельфии попадают в эту категорию. Совместное владение парой мужчин и женщин значительно ниже: 12 % жилой собственности в Детройте и 33 % — в Филадельфии. Для Детройта была возможность сравнить эти результаты с данными регулярного репрезентативного городского опроса Detroit Metro Area Communities Study (DMACS). В отличие от налоговых сведений, DMACS показывает, что самой распространенной была жилая собственность, принадлежащая парам из мужчин и женщин — 40 %, что на 28 процентных пунктов больше, чем определено по налоговым данным. Такое расхождение между оценками может означать значительное завышение совместного супругами владения жильем, если определять его по опросам.

Недвижимость, принадлежащая исключительно женщинам, в среднем имеет более низкую текущую стоимость и меньше по размеру. Напротив, в обоих городах жилье в собственности пар имеет самую высокую среднюю текущую стоимость, а в Филадельфии в среднем больше и по площади [Shiffer-Sebba, Behrman, 2021].

В качестве примера оценки распространенности разных видов собственности на жилье в России можно привести результаты онлайн-опроса, посвященного участию в управлении многоквартирным домом, проведенного по доступной выборке совершеннолетних собственников жилья в г. Новосибирске. По виду собственности на квартиру респонденты распределились следующим образом: 50,1 % владеют квартирой индивидуально, у 29,2 % опрошенных квартира находится в долевой собственности, у 20,7 % респондентов — в общей совместной

[Литвинцев, 2021]. Но отсутствие данных о семейной структуре выборки данного опроса не позволяет оценить, какой вклад в численность индивидуальных владельцев квартир вносят одиночки и состоящие в браке.

Как показывают международные сравнения, доля домохозяйств, среди членов которых есть собственники занимаемого жилья, существенно варьируется — в странах ОЭСР она максимальна для бывших социалистических стран, реализовавших масштабную преимущественно бесплатную приватизацию жилья в 1990-е годы. Так, в Болгарии, Венгрии, Литве, Румынии, Хорватии доля домохозяйств — собственников жилья находится в диапазоне 85—95 % при среднем значении для стран ОЭСР 68 % (включая домохозяйства, имеющие долговые (ипотечные) обязательства по занимаемому жилью)². В России, по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат, 2020 г.), 90,1 % домохозяйств занимают жилье, принадлежащее кому-либо из его членов³. При разнообразии институциональных устройств и наследия в отношении собственности именно в жилищном богатстве наблюдается наименьший гендерный разрыв, а различия доли собственников среди домохозяйств-одиночек разного пола несущественны по сравнению с уровнем домовладения среди одиночек и более сложных по составу домохозяйств [Goodman, Mayer, 2018; Schneebaum et al., 2018]. Результаты исследований, проведенных в разных странах и представленных в обзоре, более согласованы в отношении гендерного разрыва и различий собственности одиночек и супружеских пар, тогда как данные в отношении индивидуальной и совместной собственности, тенденций к индивидуализации богатства более фрагментарны, но именно эти тенденции чаще пытаются выявить с использованием административных данных.

Анализ сведений о доходах и имуществе политиков: особенности данных и методика исследования

Ежегодно с 2014 г. сотрудники федеральных министерств и агентств, государственные служащие в федеральных и территориальных органах власти, занятые в органах местного самоуправления, руководители государственных и муниципальных организаций и другие лица предоставляют сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, как своих, так и супругов и несовершеннолетних детей. Полнота и юридическая достоверность этих сведений обеспечиваются законодательными нормами, проверкой, которую проводят уполномоченные подразделения в организациях и органах власти (как правило, кадровые).

По сравнению с данными выборочных обследований населения и домохозяйств эти административные данные обладают рядом особенностей:

1) «единица наблюдения», подразумеваемая в сведениях, — супружеская пара или отдельный индивид с детьми или без несовершеннолетних детей, а в социально-экономических обследованиях — домохозяйство, которое может состоять из одного человека или включать других членов, не только супругов и несовершеннолетних детей;

² OECD Housing project. OECD Affordable Housing Database. Housing market: HM1.3 Housing tenures. <https://www.oecd.org/housing/data/affordable-housing-database/housing-market.htm> (дата обращения 22.06.2022).

³ Росстат. Комплексное наблюдение условий жизни населения. Итоги наблюдения. Статистические таблицы. Таблица 75. Распределение домохозяйств по видам занимаемых жилых помещений. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения 22.06.2022).

2) в большинстве обследований населения фиксируется ежемесячный доход или полученный в течение 30 дней перед обследованием. Нам известно только одно всероссийское обследование — Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах, проводимое Росстатом⁴, — в котором, как и в декларациях, собирают данные о доходе, полученном в течение года;

3) в обследованиях, как правило, фиксируют данные о располагаемом доходе, в декларационных сведениях — о доходе до вычета налогов.

Для исследования выбраны сведения о доходах и имуществе депутатов законодательных органов власти субъектов федерации за 2019 г. Хотя мы стремились к формированию сплошной выборки, при должной совокупной численности этого депутатского корпуса 3983 человека выборка включает 3896 наблюдений (97,8% от ожидаемого количества). В качестве источников *ошибок репрезентации* можно назвать:

1) отсутствие единиц наблюдения из-за нормативных ограничений — в одном из регионов (Нижегородская область) размещаются сведения о доходах и имуществе только депутатов, исполняющих свои обязанности на постоянной основе, поэтому в открытых источниках опубликованы сведения о 15 членах Законодательного собрания из 50;

2) депутаты могут по тем или иным причинам досрочно выбывать из депутатского корпуса, поэтому на отчетную дату количество декларантов может быть меньше законодательно определенной численности. Только для 37 регионов из 85 численность депутатов, сведения о доходах и имуществе которых размещены, совпадает с нормативным размером депутатского корпуса, но разница фактической и нормативной численности для отдельных регионов не превышает четырех человек, за исключением Нижегородской области.

Содержание предоставляемых сведений определяется Методическими рекомендациями Минтруда⁵. В отношении недвижимости в собственности полным будет описание с указанием для каждого объекта вида собственности (индивидуальная, совместная или долевая), размера доли декларанта в праве долевой собственности, размера объекта (площадь, протяженность; или указание, что определение площади не предусмотрено), страны расположение недвижимости. В 2019 г. полное описание параметров собственности на объекты недвижимости представлено в сведениях депутатов 52 региональных законодательных органов власти. В ситуации, когда для объекта недвижимости не указан вид собственности и размер доли (а указание доли трактуется нами как долевая собственность), мы вменяли значение «индивидуальная». Сравнение двух частей данных, отличающихся полнотой сведений о параметрах собственности (52-х регионов с описанием жилой собственности по всем измерениям и 33-х регионов, для которых из-за неполноты сведений осуществлялось вменение вида собственности), показывает, что реализованная процедура вменения пропущенных данных может снижать оценки распространенности объектов жилой недвижимости в совместной

⁴ Итоги выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах // Росстат. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 23.06.2022).

⁵ Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Противодействие коррупции. Методические материалы. <https://mintrud.gov.ru/ministry/anticorruption/Methods> (дата обращения: 23.06.2022).

собственности (см. приложение, табл. П1), хотя в целом соотношение в распространённости разных видов собственности не меняется.

Рекомендации о предоставлении сведений о доходе и имуществе также подразумевают, что жилье, в котором проживает декларант, отражается как объект либо собственности, либо пользования. При отсутствии собственности невключение в декларации характеристик жилья в пользовании приводит к ошибке неответа, причем чаще отсутствуют сведения о жилом имуществе супругов (1,3 % наблюдений), чем самих депутатов (0,9 %). Другие ошибки измерения и более подробная оценка качества этих данных представлены в работе [Черкашина, 2021].

Опираясь на исследования, представленные в обзоре литературы, считаем важным при анализе жилищной собственности сравнивать имущество мужчин и женщин в группах, различающихся брачным статусом (состоят или нет в зарегистрированном браке). Статус депутата будет еще одним критерием выделения сравниваемых групп. При анализе данных эти индивидуальные характеристики мы дополним сведениями о величине личного годового дохода (до вычета налогов). В то же время мы акцентируем внутрисемейные отличия в жилищной собственности в зависимости от политического и экономического статуса партнеров.

Основные переменные, характеризующие жилищное богатство, это: наличие и количество квартир (жилых домов) в собственности и пользовании, вид собственности на жилые объекты. На данном этапе анализа мы ограничились именно этими объектами и не учитывали дачи, садовые домики, объекты незавершенного жилищного строительства и т. п., а также пока оставили вне поля зрения площадь жилья. К сожалению, мы не можем суммировать количество всех объектов жилой собственности членов одной пары, так как данные не позволяют во всех случаях однозначно идентифицировать, с кем именно кто-либо из супругов совместно владеет квартирой или домом. Один из супругов может пользоваться жилым имуществом, принадлежащим партнеру; также оба могут проживать в жилье, не принадлежащем членам семьи, арендуемом или служебном.

Накопленный опыт исследований гендерного разрыва по жилищному богатству, отраженный выше, и содержание данных задают рамки для возможных исследовательских задач. Они будут направлены на проверку гипотез о том, что 1) во внутрисемейном распределении объектов жилой собственности наблюдается тот же дисбаланс, что и в денежных доходах — у мужчин больше объектов собственности; 2) в собственности на жилье будет преобладать индивидуальная; 3) жилищное богатство и доходы связаны между собой: чем выше доходы депутатов или их супругов, тем больше у них имущества в собственности.

Эмпирический объект исследования: демографические и экономические характеристики депутатов региональных законодательных органов власти

В нашей выборке из 3896 депутатов региональных парламентов 3269 (83,9 %) — мужчины, 627 (16,1 %) — женщины; 76,0 % депутатов состоят в зарегистрированном браке, но среди мужчин и женщин эта доля разная: 80,2 % и 54,1 % соответственно. Кроме 2961 супружеской пары в наборе данных 648 наблюдений (16,6 %) — это не состоящие в официальном браке мужчины-депутаты, 288

(7,4%) — не состоящие в браке женщины-депутаты. В большей части супружеских пар (88,6%) депутатом является мужчина, в 11,4% — женщина.

По величине личных годовых доходов из сравниваемых групп наиболее обеспеченные — мужчины-депутаты (см. табл. 1). Хотя распределение доходов мужчин, не состоящих в браке, сдвинуто влево по сравнению с женатыми, все равно это две самые высокодоходные группы из сравниваемых. Совокупность жен депутатов — самая неоднородная по величинам личных доходов: среди них 8,7% практически не имели дохода в 2019 г. (если он и был, то не превышал 20 тыс. рублей за весь год), в целом у 45,4% годовой доход был не выше 400 тыс. рублей. В то же время в эту группу входят обладательницы максимальных доходов из полученных женщинами из нашей выборки.

Женщины-депутаты, не состоящие в зарегистрированном браке, в среднем оказались самой обеспеченной из «женских» сравниваемых групп: среди них нет никого, у кого бы не было в 2019 г. личного дохода, 6,6% получили доход свыше 10 млн рублей. Именно более явная представленность получательниц высоких доходов отличает их от группы женщин-депутатов, состоящих в браке, которые вместе с супругами оказались наименее обеспеченными по усредненным характеристикам годовых доходов (см. табл. 1).

Таблица 1. Характеристики личного дохода депутатов региональных законодательных органов власти и их супругов, 2019 г.

Характеристики личного дохода	Супружеские пары				Не состоящие в браке	
	Депутаты-мужчины	Супруги мужчин-депутатов	Депутаты-женщины	Супруги депутатов-женщин	Мужчины	Женщины
<i>Распределение по величине личного годового дохода (в рублях), %</i>						
До 19,9 тыс.	0,7	8,7	0,6	3,8	1,5	
20—399,9 тыс.	3,9	36,7	5,6	26,8	7,7	5,2
400—999,9 тыс.	11,0	23,0	18,6	26,5	15,5	19,1
1—2,999 млн	35,9	17,4	44,2	29,5	33,5	44,4
3—9,999 млн	28,8	7,8	26,5	9,7	23,2	24,7
10—19,999 млн	7,8	2,8	2,9	1,5	7,9	3,1
20—49,999 млн	6,4	2,1	1,5	1,8	5,7	0,7
50—99,999 млн	2,8	0,9		0,3	2,5	1,4
100 млн и выше	2,7	0,7			2,5	1,4
<i>Характеристики распределения величины личного годового дохода, руб.</i>						
Медиана	2906 044,8	481 003,0	1980 306,5	780 888,7	2504 569,2	1947 038,5
Среднее значение	21 001 618,8	5 800 106,4	3 033 931,7	2 217 072,6	16 880 395,4	6 087 132,6
Стандартное отклонение	183 695 565,0	75 012 793,0	4 214 670,4	5 974 804,8	103 893 034,6	20 608 587,4

Эти данные о доходах депутатов региональных законодательных органов власти можно соотнести с показателями доходов населения по версии Росстата. Если среднемесячные величины умножить на 12, то в 2019 г. медиана среднедушевого дохода составляла 316 363 руб. в год, среднее значение — 424 051 руб., номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономи-

ке — 574 368 руб.⁶ Даже при вычете подоходного налога и внутрисемейном распределении совокупных доходов супругов с учетом наличия детей большинство представителей региональной политической элиты оказываются в более высоких слоях экономической стратификации, чем основная часть населения.

Жилищная собственность семей региональных политиков: проявления индивидуализации и дифференциация

Жилищное богатство мужчин и женщин: индивидуальное и совместное владение

В пользовании у мужчин из всей рассматриваемой совокупности супружеских пар и одиночек 1379 квартир и 709 жилых домов, в пользовании у женщин — 1173 квартиры и 794 дома; в различных видах собственности у мужчин 3446 квартир и 2134 дома, в собственности женщин 3426 квартир и 1252 дома. В среднем в собственности одного мужчины 1,55 объекта жилой недвижимости, у одной женщины — 1,44. Две трети квартир, принадлежащих мужчинам или женщинам, находятся в индивидуальной собственности, каждая десятая — в совместной собственности, немного более четверти квартир — в долевом владении (см. табл. 2). Жилые дома чаще оказываются в индивидуальной собственности, чем квартиры, причем доля принадлежащих единолично мужчинам (80,7%), выше, чем принадлежащих только женщинам (70,0%).

82,2% квартир и домов в индивидуальной собственности принадлежат находящимся в браке (депутатам и их супругам), остальные — не состоящим в зарегистрированном браке депутатам. Анализируемые данные демонстрируют явное преобладание объектов жилой недвижимости, находящихся в индивидуальной собственности; совместная собственность на жилье — миноритарная с точки зрения распространения, то есть при общем владении жилым имуществом, скорее, определяют доли каждого собственника, чем владеют объектом в «неделимом» формате.

Таблица 2. Распределение жилых объектов, находящихся в собственности мужчин и женщин из семей депутатов региональных законодательных органов власти, по видам собственности, в % от объектов

Собственники	Вид собственности			Всего*
	Индивидуальная	Совместная	Долевая	
<i>Квартиры</i>				
Мужчины	64,0	9,7	26,2	100,0
Женщины	62,0	9,5	28,5	100,0
<i>Жилые дома</i>				
Мужчины	80,7	4,9	14,4	100,0
Женщины	70,0	8,4	21,6	100,0
<i>Квартиры и жилые дома</i>				
Мужчины	70,4	7,9	21,7	100,0
Женщины	64,1	9,2	26,6	100,0

* Из-за погрешности округления не все значения равны 100.

⁶ Рассчитано по данным о средних и медианных значениях среднедушевого денежного дохода населения России (<https://rosstat.gov.ru/folder/13723>) и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в целом по экономике Российской Федерации (https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries).

Но как эти квартиры и дома распределены внутри разных социально-демографических групп, составляющих эмпирический объект исследования? Из «женских» групп максимальная доля не имеющих жилья в собственности — среди супруг депутатов (22,5%, об 1,8% нет сведений) (см. рис. 1). Впрочем, зеркальная ситуация наблюдается в совокупности пар, в которых депутат — женщина: их супруги-мужчины также отличаются сравнительно высокой долей только пользующихся жильем (26,0%). Группа женщин-депутатов, не состоящих в зарегистрированном браке, отличается минимальной долей (9,0%) не имеющих собственного жилья.

При смещении фокуса от жилых объектов к их владельцам и детализации количества квартир и жилых домов, находящихся в собственности депутатов и их супругов (см. табл. 3), воспроизводится ситуация, отраженная на рисунке 1. Во-первых, во всех социально-демографических группах больше всего владельцев жилой недвижимости, находящейся в индивидуальной собственности. Во-вторых, модальное количество жилых объектов в собственности — 1, однако средние варьируются: оно максимально для группы женщин-депутатов, не состоящих в браке (1,90), а минимально — для мужей депутатов (1,18); и в целом сами депутаты — и мужчины, и женщины — более «богаты» жилой собственностью, чем их супруги.

Эти данные позволяют заглянуть в «черный ящик» внутрисемейных отношений вокруг собственности: если бы супружеские пары из нашей выборки попали в массовое социально-экономическое обследование домохозяйств, на вопрос анкеты, проживают ли они в жилье, принадлежащем кому-либо из супругов, 91,9% ответили бы утвердительно, но пар, в которых собственниками жилых объектов являются оба супруга, меньше — 63,4%⁷. В 28,5% один из них — только пользователь жилья, для 2,5% пар нет однозначных сведений о жилой недвижимости кого-либо из супругов.

Рис. 1. Численность пользователей и собственников жилья среди мужчин и женщин из семей депутатов региональных законодательных органов власти, в %

⁷ Наши данные не позволяют точно определить долю пар, владеющих совместно именно занимаемым жильем, о котором спрашивают в обследованиях, поэтому 63,4% — верхняя оценка гипотетической ситуации, когда пара живет в помещении, принадлежащем обоим супругам; в реальности она ниже, так как в собственности одного из супругов может находиться «второе», а не основное жилье.

Демографические и экономические факторы дифференциации жилищного богатства

Если допустить, что сравниваемые социально-демографические группы — независимые и несвязанные выборки, возможна статистическая оценка различий в количестве объектов жилой недвижимости в собственности (см. табл. П2, П3). Отметим, во-первых, что в наибольшей степени в зависимости от гендерных, статусных и брачных характеристик различается количество квартир и домов, которыми владеют *индивидуально*, но эти различия сглаживаются, если сравнивать владение объектами всех видов собственности. Во-вторых, по сравнению с демографическими переменными политический статус индивида (является ли он или она депутатом регионального парламента) сильнее определяет различия в количестве жилой недвижимости в собственности. Лишь для количества жилых объектов в менее распространенном совместном или долевом владении статистически более значимо, состоит ли индивид в браке, что вполне логично и ожидаемо. В-третьих, распределения переменных, отражающих количество квартир и домов в собственности незамужних женщин-депутатов, близки к распределению в подвыборке мужчин-депутатов, состоящих в браке, то есть гендерный разрыв по жилищному богатству не столь очевиден на фоне депутатского статуса.

Таблица 3. **Численность депутатов региональных законодательных органов власти и их супругов, имеющих в пользовании и собственности жилую недвижимость, в %**

Количество квартир и жилых домов	Супружеские пары				Не состоящие в браке	
	Депутаты-мужчины	Супруги мужчин-депутатов	Депутаты-женщины	Супруги депутатов-женщин	Мужчины	Женщины
<i>В пользовании</i>						
Нет квартир или жилых домов в пользовании	53,8	45,9	55,2	46,0	47,8	74,3
1	37,7	44,8	37,8	45,4	46,1	23,3
2 и более	8,4	9,2	7,1	8,6	6,0	2,4
Среднее значение	0,57	0,65	0,53	0,64	0,60	0,28
<i>В индивидуальной собственности</i>						
Нет квартир или жилых домов в индивидуальной собственности	38,1	48,1	42,2	55,2	40,4	20,8
1	35,2	32,2	36,0	32,2	31,5	39,9
2	16,9	13,0	15,3	7,7	15,4	23,3
3 и более	9,8	6,6	6,5	5,0	12,8	15,7
Среднее значение	1,12	0,90	0,85	0,65	1,21	1,57
<i>В совместной собственности</i>						
Нет квартир или жилых домов в совместной собственности	88,8	88,8	88,2	88,8	97,4	98,6
1	9,3	9,3	9,1	9,1	2,5	1,0
2 и более	1,9	1,8	2,7	2,1	0,2	0,3
Среднее значение	0,14	0,14	0,15	0,14	0,03	0,02

Количество квартир и жилых домов	Супружеские пары				Не состоящие в браке	
	Депутаты-мужчины	Супруги мужчин-депутатов	Депутаты-женщины	Супруги депутатов-женщин	Мужчины	Женщины
<i>В долевой собственности</i>						
Нет квартир или жилых домов в долевой собственности	72,1	68,8	64,0	68,7	80,1	73,3
1	23,5	25,9	29,5	26,5	17,1	22,6
2 и более	4,3	5,4	6,5	4,7	2,9	4,1
Среднее значение	0,35	0,38	0,44	0,38	0,26	0,31
<i>Всего квартир и жилых домов в собственности</i>						
Нет квартир или жилых домов в собственности	18,1	24,3	15,9	27,4	29,5	9,4
1	40,2	39,0	39,8	44,2	35,8	42,0
2	24,9	23,5	30,7	18,9	17,7	25,3
3 и более	16,7	13,1	13,5	9,5	17,1	23,2
Среднее значение	1,61	1,38	1,49	1,18	1,50	1,90

В рассматриваемом эмпирическом объекте наблюдается ситуация, когда гендерный разрыв в обладании жилой собственностью перемещается в семьи, в которых он становится не столько гендерным, сколько статусным: независимо от пола большинство депутатов обладают большим количеством жилых объектов, чем их супруги (см. табл. 4). Так, в совокупности супружеских пар, в которых депутатом является мужчина, в 18,3% он будет собственником жилья, которым его супруга только пользуется. Среди семей, в которых депутат женщина, этот тип сочетания отношений собственности и пользования встречается в два раза реже (10,3%), но 21,8% демонстрируют обратную ситуацию: женщина — собственник жилья, мужчина — пользователь. Если оба супруга — собственники квартир или домов, то и для мужчин, и для женщин, избранных в региональные парламенты, выше вероятность обладать большим количеством объектов по сравнению с собственностью супругов.

Воспроизводят ли различия в жилищной собственности супругов не только их политический статус, но и экономический (доходный)? Сопоставление доходов и имущества сравниваемых социально-демографических групп (см. табл. 1 и 3) демонстрирует, что группы с более высоким доходом отличаются большим жилищным богатством. Например, среди мужчин, чей годовой доход до 400 тыс. рублей, 43,2% — пользователи жилья, а собственников трех и более квартир или домов — только 4,9%. Но при годовом доходе свыше 20 млн рублей соотношение обратное: пользователей жилья — 9,5%, а имеющих в собственности три и более жилых объекта — 37,3%. Похожая ситуация и для женщин, с той разницей, что шкала их годовых доходов сдвинута влево: среди получивших за 2019 г. до 20 тыс. рублей 35,7% пользуются жильем, 41,7% имеют в собственности только одну квартиру или дом, а три или более — 3,9%. Среди женщин, чей годовой доход превышал 10 млн только 12,7% — пользователи жилья, а 39,2% — собственники трех или более жилых объектов.

Таблица 4. Оценка различий в количестве жилых объектов в собственности супругов из семей депутатов региональных законодательных органов власти в зависимости от пола депутатов

Соотношение количества жилых объектов в собственности у мужчин и женщин в супружеских парах		Пол депутата		Вся совокупность
		Мужчины	Женщины	
Оба супруга — пользователи жилья	%	6,0	5,6	5,9
	скорректированный остаток	0,3	-0,3	
Мужчина — собственник жилья, женщина — пользователь	%	18,3	10,3	17,4
	скорректированный остаток	3,6	-3,6	
Женщина — собственник жилья, мужчина — пользователь	%	12,1	21,8	13,2
	скорректированный остаток	-5,0	5,0	
Мужчина и женщина владеют по одному жилому объекту	%	17,1	18,9	17,3
	скорректированный остаток	-0,8	0,8	
Мужчина и женщина — собственники, у мужчины больше жилых объектов в собственности	%	20,5	14,2	19,8
	скорректированный остаток	2,8	-2,8	
Мужчина и женщина — собственники, у них равное количество объектов собственности (2 и более)	%	9,5	8,0	9,3
	скорректированный остаток	0,9	-0,9	
Мужчина и женщина — собственники, у женщины больше жилых объектов в собственности	%	16,5	21,2	17,1
	скорректированный остаток	-2,2	2,2	
Всего		100,0	100,0	100,0

Примечание: $\chi^2 = 43,664$ (df = 6; Asymp. Sig. (2-tailed) = 0,000); V Крамера = 0,121 (Sig. = 0,000).

Для внутрисемейных сравнений была определена доля доходов мужчин и женщин в суммарных личных доходах супругов. В 15,2% пар бюджет формировался за счет доходов мужчины, в 60,7% личные доходы есть у обоих, но доля доходов мужчины составляет более 55%. Зеркальное соотношение вкладов — 55% и более обеспечивает женщина — наблюдалось для 18,6% пар (в том числе в 1,4% браков это был исключительно доход женщины). В бюджетах 5,5% пар доли доходов мужчин и женщин примерно равны (в диапазоне 45%—55%). Сравнительно более высокие доходы женщины повышают вероятность того, что ее жилищное богатство окажется выше, чем у супруга, и муж будет, скорее, пользоваться жильем, чем владеть им (см. табл. 5), и снижают вероятность ситуации, когда у партнера будет в собственности больше жилых объектов, чем у женщины. В группе с более высокими доходами мужчин наблюдаются меньшие различия в жилищной собственности супругов, тем не менее более вероятно, что у мужчины окажется в собственности больше жилых объектов, чем у его супруги.

Таблица 5. Оценка различий в количестве жилых объектов в собственности супругов из семей депутатов региональных законодательных органов власти в зависимости от соотношения доходов супругов

Соотношение количества жилых объектов в собственности у мужчин и женщин в супружеских парах		Доля доходов мужчины и женщины в сумме личных доходов супругов				Вся совокупность
		Доход мужчины 98—100 %	Доход женщины 55—98 %	Доходы супругов примерно равны	Доход женщины 55 % и более	
Оба супруга — пользователи жилья	%	7,8	5,9	3,7	5,3	5,9
	скорректированный остаток	1,8	-0,1	-1,3	-0,7	
Мужчина — собственник жилья, женщина — пользователь	%	19,8	18,6	12,9	12,7	17,4
	скорректированный остаток	1,5	2,2	-1,6	-3,2	
Женщина — собственник жилья, мужчина — пользователь	%	10,2	10,6	16,6	23,2	13,2
	скорректированный остаток	-2,0	-5,2	1,3	7,7	
Мужчина и женщина владеют по одному жилому объекту	%	15,4	18,0	19,0	16,3	17,3
	скорректированный остаток	-1,2	1,1	0,6	-0,7	
Мужчина и женщина — собственники, у мужчины больше жилых объектов в собственности	%	26,7	21,2	16,0	10,3	19,8
	скорректированный остаток	4,0	2,5	-1,3	-6,2	
Мужчина и женщина — собственники, у них равное количество объектов собственности (2 и более)	%	7,8	9,8	9,8	8,5	9,3
	скорректированный остаток	-1,2	1,3	0,2	-0,7	
Мужчина и женщина — собственники, у женщины больше жилых объектов в собственности	%	12,2	15,8	22,1	23,6	17,1
	скорректированный остаток	-2,9	-2,3	1,8	4,5	
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: $\chi^2 = 138,662$ (df = 18; Asymp. Sig. (2-tailed) = 0,000); V Крамера = 0,125 (Sig. = 0,000).

Хотя доход и статус депутата регионального парламента — изменчивые во времени индивидуальные характеристики, а из составляющих материального благосостояния нефинансовое богатство (собственность) в целом и жилье как его часть более стабильны, чем доходы, даже в годовом исчислении, текущие доходы и накопленное жилищное богатство связаны напрямую: чем выше личный доход

одного из супругов, тем вероятнее, что у него в собственности будет больше квартир или домов, чем у партнера.

Заключение

Тридцать лет частной собственности на жилье и другие активы увеличили сложность функционирования семьи как экономической единицы: стало необходимо договариваться не только о финансовых ролях и распределении доходов, но и формировании и расходовании сбережений, кредитах, собственности. Для изучения внутрисемейных экономических отношений мы привлекаем не опросные, а административные данные. Если судить по личным доходам супругов и одиночек, составляющих эмпирический объект исследования, они представляют не исключительно, но преимущественно верхние слои экономической стратификации, и неправомерно переносить полученные результаты на все российские домохозяйства. Одновременно мы не можем по имеющимся данным реконструировать, какие фрагменты верхней части экономической стратификации репрезентирует наша выборка. Несмотря на эти ограничения, в условиях дефицита данных о внутрисемейных экономических отношениях «фрагментарный» анализ лучше, чем отсутствие какого-либо анализа вообще, и, возвращаясь к гипотезам, можно сделать следующие обобщения.

В распределении жилищного богатства наблюдается тенденция к индивидуализации. Конечно, данные позволяют видеть только юридическое отражение внутрисемейных отношений собственности в конкретный момент, мы не знаем историю жилищной собственности в этих семьях, когда и при каких обстоятельствах супруги приватизировали или приобретали имущество, которое в сведениях обозначено как обладаемое индивидуально, — до заключения или во время брака. Тем не менее 70 % жилых объектов, принадлежащих мужчинам, и две трети из принадлежащих женщинам находятся в индивидуальной собственности. И хотя у состоящих в браке в среднем больше жилья, которым они владеют совместно или в доле с кем-то, чем у одиночек, четыре из пяти квартир и домов в индивидуальной собственности принадлежат состоящим в браке.

Если сравнивать усредненные данные о жилье разных социально-демографических групп, невозможно сделать однозначный вывод о разрыве по жилищному богатству в пользу мужчин или женщин. В этом плане российская ситуация близка к фиксируемой зарубежными социологами: жилье распределяется относительно равномерно. Но при смещении фокуса на внутрисемейные отношения видим, что в 37 % пар мужчины имеют в собственности больше квартир или жилых домов, чем их супруги, в 30 % обратное соотношение. Общая закономерность за этими цифрами: независимо от пола супруг, обладающий статусом депутата, более «богат» в жилищном плане. Российское государство через разные программы и политики стимулирует семьи быть собственниками жилья. Подразумевается, что семья — единый субъект, но фактическая сложность внутрисемейных экономических отношений уходит из поля зрения, в том числе исследователей. Методическая «оптика» большинства социально-экономических обследований позволила бы увидеть, что в рассматриваемом эмпирическом объекте 92 % пар проживают в жилье, принадлежащем кому-либо из супругов. Но если сменить «оптику», при которой

супруги — не «фон» для семьи [Солодников, 2018], а отдельные участники отношений собственности, не более чем в 63 % пар собственниками жилья были бы оба супруга. Семья оказывается пространством воспроизводства статусных преимуществ супругов, полученных в других сферах — экономической и политической.

Мы не беремся опровергать или подтверждать предположения, нередко звучащие в отношении сведений об имуществе политиков и чиновников: об их недостоверности, о юридическом оформлении части реальной собственности на других членов семьи, не попадающих под декларирование. Если есть стратегии «минимизации» публично демонстрируемой собственности, то в каждой социальной группе свои представления и нормы, что приемлемо, «прилично» продемонстрировать. В массмедиа попадают истории отдельных политиков или чиновников, пытавшихся в декларационную кампанию скрыть что-то из своего имущества или фиктивно разводящихся с супругами, которые перед разводом становятся владельцами собственности этих политиков или чиновников. Но данные о группе политиков, позволяющие фиксировать статистические закономерности, свидетельствуют, что депутаты региональных законодательных органов власти в среднем обладают более высокими доходами и большим жилищным богатством, чем их супруги, и не скрывают этих различий. Скорее, наблюдаемая индивидуализация собственности, наоборот, есть способ ее защиты в условиях потенциальной нестабильности брачных отношений. Распределение жилищной собственности демонстрирует, что кооперативные стратегии накопления собственности не доминируют; как текущий доход, так и политический статус оказались составляющими «переговорной силы» в распределении собственности между супругами.

Для оценки устойчивости обнаруженных закономерностей возможно продолжение исследования на аналогичных данных, например, на сведениях о доходах и имуществе семей депутатов региональных органов власти за другой календарный год. В этом случае мы имеем дело с «естественной» панелью с ротацией, когда ежегодно корпус депутатов обновляется после выборов в нескольких регионах из-за выбытия и довыборов отдельных депутатов, то есть это не полностью идентичная по составу совокупность. Также можно обратиться к данным о других эмпирических объектах, например, «спустившись вниз» по вертикали представительной власти, — о семьях депутатов городских округов или муниципальных образований отдельных регионов, полагая, что такая совокупность по экономическим характеристикам будет ближе к массовым слоям российских домохозяйств. Или использовать данные деклараций сотрудников российских министерств⁸, учитывая «должностные» и «географические» ограничения этого набора данных: в нем наиболее полно представлены сведения о чиновниках, занимающих руководящие позиции в структуре министерств, то есть проживающих в столице. И, конечно же, исследование может развиваться через расширение набора объектов собственности и пользования, включенных в анализ. В любом случае такие административные данные позволяют давать ответы на исследовательские вопросы из области

⁸ Доходы и имущество госслужащих: объединенные сведения из антикоррупционных деклараций сотрудников российских министерств // Официальные сайты федеральных министерств РФ; обработка: Зиндер К. М., Гизатуллина Э. Г. Инфраструктура научно-исследовательских данных, АНО «ЦПУР», 2020. Доступ: Лицензия CC BY-SA. Размещено: 23.06.2022. (Ссылка на набор данных: <http://www.data-in.ru/data-catalog/datasets/150>).

социологии собственности, гендерной социологии, на которые проблематично ответить с помощью других доступных данных.

Список литературы (References)

Андреевкова А. В. (2017) Щепетильные вопросы в межстрановых сравнительных опросах // Социологические исследования. № 12. С. 55—64. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120066>.

Andreenkova A. V. (2017) Sensitive Questions in Cross-National Comparative Surveys. *Sociological Studies*. No. 12. P. 55—64. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120066>. (In Russ.)

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. Нефинансовое богатство российских домохозяйств: собственность и налоги // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 3. С. 51—77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77>.

Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2021) Non-Financial Wealth of Russian Households: Property and Taxes. *Mir Rossii*. Vol. 30. No. 3. P. 51—77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-51-77>. (In Russ.)

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. 2020. Т. 29. № 4. С. 6—33. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-6-33>.

Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2020) The Stratification of Russian Households by Non-financial Wealth: Volume, Structure and Correlates. *Mir Rossii*. Vol. 29. No. 4. P. 6—33. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-6-33>. (In Russ.)

Волков Д., Колесников А. Новая русская мечта: частная собственность для детей // Московский Центр Карнеги. 2018. URL: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (дата обращения: 23.06.2022).

Volkov D., Kolesnikov A. (2018) New Russian Dream: Private Property for Children. *Carnegie Moscow Center*. URL: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (accessed: 23.06.2022). (In Russ.)

Литвинцев Д. Б. 30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать ответственных собственников? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 186—212. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273>.

Litvintsev D. B. (2021) 30 Years of Housing Privatization in Russia: Have We Managed to Bring Up Responsible Owners? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 186—212. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273>. (In Russ.)

Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

Solodnikov V. V. (2018) Russian Sociological and Psychological Studies of the Family in the 21st Century: A Meta-Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social*

Changes. No. 6. P. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>. (In Russ.)

Черкашина Т. Ю. Сведения о доходах и имуществе российских региональных политиков: пилотаж и оценка качества административных данных // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 3. С. 8—34. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8422>.

Cherkashina, T. Yu. (2021) Russian Regional Politicians' Income and Property Declarations: a Pilot Study and Quality Assessment of Administrative Data. *Sotsiologicheskii Zhurnal*. Vol. 27. No. 3. P. 8—34. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8422>. (In Russ.)

Bach S., Thiemann A., Zucco A. (2019) Looking for the Missing Rich: Tracing the Top Tail of the Wealth Distribution. *International Tax and Public Finance*. Vol. 26. No. 6. P. 1234—1258. <https://doi.org/10.1007/s10797-019-09578-1>.

Bennett F. (2013) Researching Within-Household Distribution: Overview, Developments, Debates, and Methodological Challenges. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 75. No. 3. P. 582—597. <https://doi.org/10.1111/jomf.12020>.

Bricker J., Krimmel J., Henriques A., Sabelhaus J. (2016) Measuring Income and Wealth at the Top Using Administrative and Survey Data. *Brookings Papers on Economic Activity*. No. 1. P. 261—331. <https://doi.org/10.1353/eca.2016.0016>.

Chakraborty R., Kavonius I., Pérez-Duarte S., Vermeulen P. (2019) Is the Top Tail of the Wealth Distribution the Missing Link between the Household Finance and Consumption Survey and National Accounts? *Journal of Official Statistics*. Vol. 35. No. 1. P. 31—65. <https://doi.org/10.2478/jos-2019-0003>.

Coulter R., Thomas M. (2019) A New Look at the Housing Antecedents of Separation. *Demographic Research*. Vol. 40. Article 26. P. 725—760. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2019.40.26>.

Cousin B., Khan S., Mears A. (2018) Theoretical and Methodological Pathways for Research on Elites. *Socio-Economic Review*. Vol. 16. No. 2. P. 225—249. <https://doi.org/10.1093/ser/mwy019>.

Deaton A. (2019) *The Analysis of Household Surveys: A Microeconometric Approach to Development Policy*. Washington, DC: World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30394> (accessed: 19.11.2021).

Deere C. D., Doss C. R. (2006) The Gender Asset Gap: What Do We Know and Why Does It Matter? *Feminist Economics*. Vol. 12. No. 1—2. P. 1—50. <https://doi.org/10.1080/13545700500508056>.

Donni O., Chiappori P. A. (2011) Nonunitary Models of Household Behavior: A Survey of the Literature. In: Molina J. (ed.) *Household Economic Behaviors. International Series on Consumer Science*. New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-9431-8_1.

Frémeaux N., Leturcq M. (2020) Inequalities and the Individualization of Wealth. *Journal of Public Economics*. Vol. 184. April. Article 104145. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104145>.

Goodman L. S., Mayer C. (2018) Homeownership and the American Dream. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 32. No. 1. P. 31—58. <https://doi.org/10.1257/jep.32.1.31>.

Grabka M. M., Marcus J., Sierminska E. (2015) Wealth Distribution within Couples. *Review of Economics of the Household*. Vol. 13. No. 3. P. 459—486. <https://doi.org/10.1007/s11150-013-9229-2>.

Himmelweit S., Santos C., Sevilla A., Sofer C. (2013) Sharing of Resources within the Family and the Economics of Household Decision Making. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 75. No. 3. P. 625—639. <https://doi.org/10.1111/jomf.12032>.

Joseph R., Rowlingson K. (2012) Her House, His Pension? The Division of Assets among (Ex-) Couples and the Role of Policy. *Social Policy and Society*. Vol. 11. No. 1. P. 69—80. <https://doi.org/10.1017/S147474641100042X>.

Kan M. Y., Laurie H. (2014) Changing Patterns in the Allocation of Savings, Investments and Debts within Couple Relationships. *The Sociological Review*. Vol. 62. No. 2. P. 335—358. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12120>.

Kapelle N., Lersch P. M. (2020) The Accumulation of Wealth in Marriage: Over-Time Change and Within-Couple Inequalities. *European Sociological Review*. Vol. 36. No. 4. P. 580—593 <https://doi.org/10.1093/esr/jcaa006>.

Krapf S., Wagner M. (2020) Housing Affordability, Housing Tenure Status and Household Density: Are Housing Characteristics Associated with Union Dissolution? *European Journal of Population*. Vol. 36. No. 4. P. 735—764. <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09549-6>.

Lee J., Pocock M. L. (2007) Intrahousehold Allocation of Financial Resources: Evidence from South Korean Individual Bank Accounts. *Review of Economics of the Household*. Vol. 5. No. 1. P. 41—58. <https://doi.org/10.1007/s11150-007-9004-3>.

Lersch P. M. (2017) The Marriage Wealth Premium Revisited Gender Disparities and Within-Individual Changes in Personal Wealth in Germany. *Demography*. Vol. 54. No. 3. P. 961—983. <https://doi.org/10.1007/s13524-017-0572-4>.

Lersch P. M. (2016) Vidal S. My House or Our Home? Transitions into Sole Home Ownership in British Couples. *Demographic Research*. Vol. 35. No. 1. P. 139—166. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2016.35.6>.

Meriküll J., Kukk M., Rõõm T. (2021) What Explains the Gender Gap in Wealth? Evidence from Administrative Data. *Review of Economics of the Household*. Vol. 19. No. 2. P. 501—547. <https://doi.org/10.1007/s11150-020-09522-x>.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018) From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905—2016. *Journal of Economic Inequality*. Vol. 16. No. 2. P. 189—223. <https://doi.org/10.1007/s10888-018-9383-0>.

OECD (2013). OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264194878-en> (accessed: 23.06.2022).

OECD (2021). Brick by Brick: Building Better Housing Policies. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/b453b043-en> (accessed: 23.06.2022).

Ravazzini L., Chesters J. (2018) Inequality and Wealth: Comparing the Gender Wealth Gap in Switzerland and Australia. *Feminist Economics*. Vol. 24. No. 4. P. 83—107. <https://doi.org/10.1080/13545701.2018.1458202>.

Ruel E., Hauser R. (2013) Explaining the Gender Wealth Gap. *Demography*. Vol. 50. No. 4. P. 1155—1176. <https://doi.org/10.1007/s13524-012-0182-0>.

Schneebaum A., Rehm M., Mader K., Hollan K. (2018) The Gender Wealth Gap Across European Countries. *Review of Income and Wealth*. Vol. 64. No. 2. P. 295—331. <https://doi.org/10.1111/roiw.12281>.

Shiffer-Sebba D., Behrman J. (2021) Gender and Wealth in Demographic Research: A Research Brief on a New Method and Application. *Population Research and Policy Review*. Vol. 40. No. 4. P. 643—659. <https://doi.org/10.1007/s11113-020-09603-w>.

Sierminska E. M., Frick J. R., Grabka M. M. (2010) Examining the Gender Wealth Gap. *Oxford Economic Papers*. Vol. 62. No. 4. P. 669—690. <https://doi.org/10.1093/oep/gpq007>.

Приложение

Таблица П1. Распространенность объектов жилой недвижимости разных видов собственности у депутатов региональных законодательных органов власти из групп регионов, отличающихся полнотой сведений о жилье

Объекты жилой недвижимости в собственности	Все депутаты региональных законодательных органов власти	Депутаты 52-х законодательных органов власти, в сведениях которых содержится полное описание объектов недвижимости	Депутаты 33-х законодательных органов власти, в сведениях которых неполное описание объектов недвижимости
<i>Количество депутатов, имеющих объекты в собственности (множественный выбор), %</i>			
Квартиры в собственности индивидуальной	44,2	44,2	44,2
совместной	7,5	9,5	4,5
долевой	21,7	21,2	22,3
Жилые дома в собственности индивидуальной	33,4	33,1	33,8
совместной	2,3	2,8	1,6
долевой	7,2	7,5	6,8
<i>Количество объектов, находящихся в собственности депутатов, %</i>			
Квартиры в собственности индивидуальной	66,5	64,5	69,4
совместной	8,7	11,4	4,7
долевой	24,8	24,1	25,9
Всего	100,0	100,0	100,0
Жилые дома в собственности индивидуальной	80,6	80,1	81,5
совместной	4,5	5,5	3,0
долевой	14,8	14,4	15,5
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица П2. Статистическая оценка различий количества объектов жилой недвижимости в собственности депутатов региональных законодательных органов власти и их супругов

Количество квартир и жилых домов		Супружеские пары				Не состоящие в браке		Вся совокупность
		депутаты-мужчины	супруги мужчин-депутатов	депутаты-женщины	супруги депутатов-женщин	мужчины	женщины	
0	%	18,1	24,3	15,9	27,4	29,5	9,4	21,5
	скорректированный остаток	-5,4	4,4	-2,6	2,7	5,2	-5,1	
1	%	40,2	39,0	39,8	44,2	35,9	42,0	39,6
	скорректированный остаток	0,8	-0,8	0,1	1,8	-2,0	0,9	
2	%	24,9	23,5	30,7	18,9	17,6	25,3	23,7
	скорректированный остаток	1,9	-0,3	3,1	-2,1	-3,8	0,7	
3 и более	%	16,8	13,2	13,6	9,4	17,0	23,3	15,2
	скорректированный остаток	2,9	-3,6	-0,9	-3,0	1,3	3,9	
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: $\chi^2 = 133,381$ (df = 15; Asymp. Sig. (2-tailed) = 0,000); V Крамера = 0,081 (Sig. = 0,000).

Таблица П3. Статистическая оценка различий количества жилых объектов в собственности в зависимости от индивидуальных характеристик

Независимые переменные	Зависимые переменные и критерии оценки статистической связи	
	Ранговая переменная «Количество квартир и жилых домов...». Значения переменной: 0; 1; 2; 3 и более. Критерий: χ^2	Переменная «Количество квартир и жилых домов...», абсолютные значения. Критерий Манна-Уитни
... в индивидуальной собственности		
Пол	$\chi^2 = 24,780$ (0,000)	$Z = -4,872$ (0,000)
Является депутатом или нет	$\chi^2 = 109,429$ (0,000)	$Z = -10,470$ (0,000)
Состоит в браке или нет	$\chi^2 = 52,197$ (0,000)	$Z = -6,763$ (0,000)
... в совместной или долевой собственности		
Пол	$\chi^2 = 18,537$ (0,000)	$Z = -4,112$ (0,000)
Является депутатом или нет	$\chi^2 = 20,909$ (0,000)	$Z = -4,497$ (0,000)
Состоит в браке или нет	$\chi^2 = 80,487$ (0,000)	$Z = -8,929$ (0,000)
... в собственности		
Пол	$\chi^2 = 6,974$ (0,073)	$Z = -1,488$ (0,137)
Является депутатом или нет	$\chi^2 = 44,849$ (0,000)	$Z = -6,358$ (0,000)
Состоит в браке или нет	$\chi^2 = 18,635$ (0,000)	$Z = -0,288$ (0,774)

Примечание: для всех значений критериев в скобках указана двусторонняя наблюдаемая значимость (Asymp. Sig. (2-tailed); для χ^2 df = 3.